Е.В. Комлева*

Путешествие из Кяхты в Москву Марфы Никитичны Кандинской (1851 г.)

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-7
УДК 323.328(571)+910.4“1851”
Выходные данные для цитирования:
Комлева Е.В. Путешествие из Кяхты в Москву Марфы Никитичны Кандинской (1851 г.) // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 7. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-07.pdf

E.V. Komleva*

Journey of Marfa N. Kandinskaya from Kyakhta to Moscow in 1851

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-7

How to cite:
Komleva E.V. Journey of Marfa N. Kandinskaya from Kyakhta to Moscow in 1851 // Historical Courier, 2019, # 3 (5). Article 7. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-07.pdf

Abstract. The article analyzes the manuscript diary of the Selenginsk merchant Marfa Nikitichna Kandinskaya (b. Sabashnikova). The diarist's social background makes the document under investigation unique, while the text itself is indicative of the level of education and range of interests of women from the merchant circle, reflecting their world view. Written in 1851 during a journey from Kyakhta to Moscow, the diary contains information about the cities of Siberia, the Urals and Central Russia, through which the voyagers traveled. The strongest impression on M.N. Kandinskaya was produced by Moscow, where life was in many ways strikingly different from the East Siberian realities familiar to the author. M.N. Kandinskaya mentions some prominent contemporaries, for example, the Bestuzhev brothers, exiled Decembrists who lived in Selenginsk, characterizes the entertainment available to citizens in the middle of the 19th century. One of the most important topics for a religiously-minded author of a diary is the description of Orthodox churches and monasteries seen along the way. A characteristic feature of the source under investigation is its emotionality: Marfa Kandinskaya does not only worries about her children left in Kyakhta and relations with her husband, but also uses well-turned, sometimes poignant, epithets addressing to the way of life and local customs inherent in a particular city. The pages of the diary also reflect the regional identity of the author, who is worried about her distant small homeland and appreciates meetings with Siberians. All of the above emphasizes the value of the surviving source, which, despite the brevity of the records it contains, has high information capacity for analyzing the development of the pre-reform city and culture of the urban population of Russia.

Keywords: Siberian merchants; women; ego documents; Marfa Kandinskaya; a Russian city of the middle of the 19th century.

The article has been received by the editor on 25.02.2019.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется рукописный дневник селенгинской купчихи Марфы Никитичны Кандинской (урожд. Сабашниковой). Социальная принадлежность автора делает рассматриваемый документ уникальным, а сам текст позволяет судить об уровне образованности женщин из среды сибирского купечества, круге их интересов, отражает присущую им картину мира. Написанный в 1851 г. во время поездки из Кяхты в Москву, дневник содержит сведения о состоянии городов Сибири, Урала и Центральной России, через которые проезжали путешественники. Наиболее сильное впечатление на М.Н. Кандинскую произвела Москва, в которой многое разительно отличалось от привычных для автора восточносибирских реалий. М.Н. Кандинская упоминает о некоторых видных современниках,

* **Комлева Евгения Владиславовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: feodal@history.nsc.ru
Komleva Evgeniya Vladislavovna, Candidate of Historical Sciences, Seniour Researcher , Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: feodal@history.nsc.ru

например, о проживавших в Селенгинске ссыльных декабристах братьях Бестужевых, характеризует доступные горожанам в середине XIX в. развлечения. Одна из важнейших тем для религиозно настроенного автора дневника – описание увиденных по дороге православных храмов и монастырей. Характерная черта рассматриваемого источника – его эмоциональность: Марфа Никитична не только переживает об оставленных в Кяхте детях и отношениях с мужем, но и адресует меткие, порой резкие, эпитеты присущему тому или иному городу укладу жизни и местным обычаям. На страницах дневника нашла отражение и региональная идентичность автора, беспокоящегося о далекой малой родине и ценящего встречи с сибиряками. Все вышеперечисленное подчеркивает ценность сохранившегося источника, который, несмотря на краткость содержащихся в нем записей, скрывает богатые информационные возможности для анализа развития дореформенного города и культуры городского населения России.

Ключевые слова: сибирское купечество; женщины; эго-документы; Марфа Никитична Кандинская; русский город середины XIX в.

* * *

Разъезды на большие расстояния составляли непременный атрибут жизни сибирских купцов. Многие из них по нескольку месяцев в году отсутствовали дома, отправляясь по торговым делам на ярмарки и посещая самые разные города, добираясь до Москвы и Санкт-Петербурга. Однако поездки купеческих жен, занимавшихся домашним хозяйством, а иногда и контролировавших состояние семейного бизнеса в отсутствие главы семейства, были далеко не так распространены. Одной из таких редких путешественниц стала селенгинская купчиха Марфа Никитична Кандинская (1822–1872; урожд. Сабашникова), проделавшая в 1851 г. путь от расположенной на границе с Китаем Кяхты, где проживала ее семья, до Москвы. Во время этой длительной и непростой поездки М.Н. Кандинская вела путевой дневник – ежедневные записи с кратким перечислением, реже – более или менее развернутым описанием произошедших событий. Женские воспоминания и дневники, сохранившиеся до наших дней от дореформенного периода в истории России, были по преимуществу написаны представительницами высших слоев русского общества. Так, мемуары о Сибири оставили жены декабристов[1]. Социальная принадлежность автора рассматриваемой рукописи делает ее уникальной, а сам текст позволяет судить об уровне образованности женщин из среды сибирского купечества, круге их интересов, отражает присущую им картину мира. Мы уже обращались к данному источнику[2]; в данной статье представлена его более развернутая характеристика.

Марфа Никитична Кандинская. Акварель Н.А. Бестужева. 1848 г.

Кандинские – крупнейший купеческий род Сибири, в XIX в. приобретший известность далеко за пределами региона. Отечественные и иностранные путешественники, чиновники, ссыльные, оставившие письменные свидетельства о своем

[1] См., например: Воспоминания Полины Анненковой. М, 2003. С. 96–145; *Волконская М.Н.* Записки княгини М.Н. Волконской / вступ. статья и примеч. Б.Г. Кокошко. Чита, 1960. С. 58–114.

[2] *Комлева Е.В.* Россия глазами сибирской купчихи: путевые записки Марфы Никитичны Кандинской (1851 г.) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2 т. М., 2018. Т. 1. С. 241–243.

посещении Забайкалья, непременно упоминают о владельцах «Бянкинских замков» – купцах Кандинских. М.М. Сперанский сделал в своем дневнике пометку: «Семейство Кондинских. Они были заводские крестьяне и минувшего только года вышли в купцы. Их шесть братьев. У старшего, Хрисанфа Петровича, шесть сынов, из коих есть уже женатые. Мать их (Дарья Алексеевна) есть прародительница семьи, состоящей из 34 человек. Они пашут до 100 десятин тучной земли, приносящей часто сам 20; гречиха и горох. Собирают пушные товары, занимаются извозом заводских тягостей, содержат все нужные для заводов товары. Их полагают в миллионе. У них до 70 работников»[3].

Николай Хрисанфович Кандинский Младший. Портрет кисти К.Х. Рейхеля. 1850 г.

Конечно, Кандинских нельзя считать рядовой купеческой семьей – как по уровню своего благосостояния, так и по связям и знакомствам они входили в самые верхние слои сибирского общества. Кандинские тесно общались с проживавшими на поселении в Сибири декабристами, много читали и путешествовали. Некоторые из них получили высшее образование[4].

Под стать Кандинским было и семейство иркутских и кяхтинских купцов Сабашниковых, к которому принадлежала Марфа Никитична до своего брака с селенгинским купцом 1-й гильдии и потомственным почетным гражданином Николаем Хрисанфовичем Кандинским-Младшим (1810–1863), заключенному в середине 1840-х гг.[5] Родоначальник династии Сабашниковых – Никита Филиппович (р. 1781), начинавший со службы приказчиком у богатого иркутского купца Г.С. Белоголового, а позже и сам объявивший капитал сначала по 3-й гильдии Иркутска, затем – по 1-й гильдии Кяхты и имевший связи с Российско-Американской компанией. Его старший сын Василий Никитович (1820–1874/79), также кяхтинский купец 1-й гильдии, был известен благотворительностью и либеральными взглядами: дружил с декабристами, участвовал в распространении издававшегося А.И. Герценом в Лондоне «Колокола», а в 1861 г. помог находившемуся в сибирской ссылке М.А. Бакунину осуществить побег[6]. Вот в такой среде в начале 1820-х гг. родилась и воспитывалась Марфа Никитична, получив традиционное по тем временам домашнее образование. Упоминание ею в своем дневнике о праздновании именин, точно совпадавших, по всей видимости, с днем ее появления на свет (по крайней мере она тут же пишет: «Слава Богу, прожила 28 лет от рождения»), позволяет уточнить дату ее рождения – 4 июля 1822 г.[7] (4 июля по старому стилю отмечается память преподобной Марфы Антиохийской и Едесской). Сохранившийся акварельный портрет М.Н. Кандинской, выполненный Н.А. Бестужевым, свидетельствует о ее необычайной красоте.

Возможно, нам бы никогда не представилась возможность ближе познакомиться с этой удивительной женщиной, если бы не решение Николая Хрисанфовича взять супругу с собой в Москву во время деловой поездки, предпринятой им в 1851 г. совместно с племянником Александром Сильвестровичем (1827–1869) (впоследствии, после смерти дяди, именно он

[3] Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского: Путешествие в Сибирь. С 31 марта 1819 по 8 февраля 1821 года // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1782. СПб., 1872. С. 56.

[4] *Бараев В.В., Зуев А.С., Зуева Е.А., Жеребцов Г.А., Гаврилова Н.И.* Кандинские (Кондинские) // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 292–296.

[5] *Жеребцов Г.А.* Купцы Кандинские и их потомки. Чита, 2012. С. 154.

[6] *Гаврилова Н.И., Резун Д.Я., Кириллов В.В., Башкатова З.В.* Сабашниковы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 230.

[7] *Кандинская М.Н.* Дневник. В трех тетрадях. Тетрадь первая // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 92. Д. 35. Л. 7 об.

станет управляющим всеми торговыми делами покойного[8]). Н.Х. Кандинский Младший занимался в то время торговлей с китайцами, в том числе по доверенности московских купцов[9]. Надо полагать, что ему и раньше приходилось бывать в Москве и путешествие через всю страну для него было не первым. В противном случае, думается, он бы вряд ли отважился взять с собой жену, ожидавшую очередного ребенка (в том же году у четы Кандинских родилась третья дочь – Екатерина). Вероятно, влияние на него оказали и уговоры Марфы Никитичны, боявшейся длительной разлуки с мужем.

Наверное, впоследствии Николай Хрисанфович в какой-то мере пожалел о своем решении – недаром Марфа Никитична, уже находясь в Москве, внесла в дневник горькие строки: «Мне кажется, что я в тягость Николаю, и Бог знает, что мне ни приходит в голову. Может быть, он недоволен тем, что я приехала с ним, особен[н]о в теперешнем моем положении. Может быть, он думает, много расходов будет со мною, но я ничего не требую от него, только того, чтобы быть с ним неразлучно […]. И я замечаю за Н[иколаем] Х[рисанфовичем], что он от меня многое скрывает, более доверчив к другим. Между тем, кто же ближе к нему, как не жена. Иногда что скажешь ему из участия, посоветуешь ему, но он всем пренебрегает и выказывает неудовольствие, между тем как я забочусь об нем»[10].

Да и сама Марфа Никитична, описывая свое душевное состояние, неоднократно использует такие выражения, как «скука смертная!»[11] и другие, указывающие на то, что поездка не была для нее особо радостным и ярким событием. Об этом говорят и следующие фрагменты: «…во все время нашего путешествия не была еще ни один раз весела и покойна»[12], «…день этот провела довольно скучно»[13], «…день прошел этот без особенного удовольствия. Не знаю, будет ли веселее этого»[14], «…делать нечего, я приехала и буду думать, сомневаться и жить, скучать…»[15]. Во многом такое настроение объяснялось вынужденной разлукой с двумя дочерями, оставленными в Кяхте. Одной из них в 1851 г. исполнялось 4, а другой – 3 года[16]. В день отъезда Марфа Никитична напишет: «В этот день простились мы, пролив горькие слезы, с Кяхтою и отправились в Москву. Скучно мне было расстаться с маленькими моими детьми – с Таней и Августой»[17]. Грусть не притупилась и по прошествии времени, и автор дневника постоянно возвращался в мыслях к детям: «…разлука с детьми моими мне очень тяжела, ни одной нет минуты, чтобы я об них не думала. Дай Бог, чтобы они, мои милые, бесценные, были здоровы и мне бы видеть их поскорее»[18]; «…скучно мне без моих милых ребятишек, дай Бог, чтобы оне были здоровы и веселы»[19].

Помимо этих переживаний о близких людях, которые, без сомнения, занимают центральное место во всем дневнике, в записях М.Н. Кандинской нашли отражение и окружавшие ее реалии. Во время поездки, занявшей почти два месяца (с 20 мая по 10 июля 1851 г.), она почти каждый день делала краткие пометки об основных событиях в специальную тетрадь, на первом листе которой было выведено: «Путевые записки Николая Хрисанфовича и Марфы Никитичны Кандинских»[20]. Несмотря на такое название, в действительности все записи сделаны одной Марфой Никитичной (ее почерком и от ее имени) и отражают впечатления от путешествия из Кяхты в Москву. Приведенные выше цитаты показывают, что дневник М.Н. Кандинской очень эмоционален, пропитан грустью и переживаниями. Этот психологизм наряду с упоминанием многочисленных мелких деталей,

[8] *Жеребцов Г.А.* Купцы Кандинские и их потомки. Чита, 2012. С. 158.
[9] *Бараев В.В., Зуев А.С., Зуева Е.А., Жеребцов Г.А., Гаврилова Н.И.* Кандинские (Кондинские)… С. 294.
[10] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 10 об. – 11.
[11] Там же. Л. 2.
[12] Там же. Л. 5 об. – 6.
[13] Там же. Л. 12.
[14] Там же. Л. 4.
[15] Там же. Л. 11.
[16] *Жеребцов Г.А.* Купцы Кандинские и их потомки. Чита, 2012. С. 155.
[17] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 2.
[18] Там же. Л. 5 об. – 6.
[19] Там же. Л. 10 об.
[20] Там же. Л. 1.

присущие в целом женским автодокументам (термин, активно используемый в современной историографии), отличают их от мемуарно-эпистолярного наследия, оставленного мужчинами, подчеркивают не только особенности восприятия мира женщинами, но и специфику женской повседневности[21].

О самой дороге сказано немного, а ведь сопряженное с немалыми трудностями путешествие по российским просторам должно было быть особенно утомительным для находившейся в положении женщины. Так или иначе, но Марфа Никитична не жаловалась, а остановки на несколько дней в разных городах давали возможность отдохнуть и собраться с силами. По некоторым фразам можно понять, что это поездка не была для нее первым длительным путешествием. Так, она упоминает, что уже бывала в Иркутске и Томске. Не было это и первым совместным вояжем четы Кандинских – еще летом 1846 г. новобрачные предприняли свадебное путешествие по Забайкалью[22].

Одну из важных тем дневника Марфы Никитичны составляют сделанные ею краткие описания увиденных населенных пунктов. От Кяхты до Москвы путь пролегал через такие города, как Селенгинск, Иркутск, Красноярск, Томск, Тюмень, Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль. Почти все из них она хоть и немногословно, но порой метко характеризовала. Одно из наиболее подробных описаний относится к Томску. В записи от 16 июня сказано: «Приехали в Томск в 6 часу и тут пробыли ровно сутки. В Томске я была с А[лександром] С[ильвестровичем] в саду Горохова. Как он хорош был! Сколько в нем различных беседок и очень затейливых, огромный пруд почти во весь сад, оранжерея с виноградом и много цветов редких. Но нынче этот сад запущен и видно во всем разрушение. Мы на все смотрели с большой грустию. Как жаль, что владетель этого сада не может его привесть в первобытное состояние. Я видела в нем кактусы с широкими лис[т]ьями, которые цвели в то время, – какой чудной цвет оне имеют и форму очень красивую. Еще были в публичном саду, которой тоже мне понравился тем, что он природный: густая березовая [роща] и в разных направлениях дорожки идут – это просто, без всяких затей, но как хорошо! Осмотревши город, нашли в нем довольно много каменных хороших домов и возвратились в квартиру, где было все готово к дороге, и мы отправились далее»[23]. Упоминаемый в этом фрагменте сад, разбитый томским золотопромышленником Ф.А. Гороховым, действительно считался достопримечательностью города. Его украшали цветники, аллеи акаций, оранжерея с южными растениями. Владелец поместил изображение созданного им уголка на фарфоровой тарелке, изготовленной на принадлежавшем ему фаянсовом заводе. По всей видимости, поддерживать свое творение в первозданном виде в 1851 г. Ф.А. Горохов уже был не в состоянии: его финансовые дела стремительно ухудшались, всего через четыре года он был объявлен несостоятельным должником, а по прошествии еще нескольких лет умер в бедности[24].

Впечатление от Тюмени, где М.Н. Кандинская «прое[з]жала по некоторым улицам», отразилось в следующих словах: «Мне этот город не понравился: в нем, кажется, окромя мужиков никого нет, да комаров»[25]. Про Нижний Новгород она писала: «Были в шесть часов в Нижнем. Тут пристали в гостиницу и где ужинали. Потом поехали далее отсюда. Мимо прое[з]жали Нижегородской Макарьевской ярмарки и любовались оттуда прекрасными видами на Волгу, где много было барок, пароходов и отсюда вид чудесный на город»[26].

---

[21] *Белова А.В.* Женский автодокументальный дискурс в источниках личного происхождения XVIII – середины XIX века // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: материалы Всерос. науч. конф., посв. 90-летию со дня рождения медиевистов А.Я. Гуревича и М.М. Фрейденберга. Тверь, 2014. С. 45–46.

[22] *Жеребцов Г.А.* Купцы Кандинские… С. 154.

[23] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 5 об.

[24] *Дмитриенко Н.М.* Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск, 2014. С. 66–67.

[25] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 6.

[26] Там же. Л. 8 об.

Неудивительно, что наиболее сильное впечатление на Марфу Никитичну произвела Москва, о суетливых буднях которой она оставила следующие зарисовки: «…в первой раз очень любопытно быть в [торговых] рядах и видеть много интересного. Сколько там народу! Сколько продающих и покупающих – я не могу надивиться», «…сегодня я […] в семь часов ходила на бульвар (речь, вероятно, идет о Чистопрудном бульваре, недалеко от которого на Мясницкой улице остановились Кандинские. – *Е.К.*) с Н[иколаем] Х[рисанфовичем], было там довольно гуляющих всех возрастов, но меня более всего занимало на этом гулянье, что маленькие дети, девочки и мальчики, очень хорошо одеты и все принесли с собой игрушки», «...сколько тут [людей] проходило взад и вперед, и мы совершено были в лесу – ни одного человека не видали знакомого, сколько мы ни сидели…»[27].

Особое внимание в дневнике М.Н. Кандинской уделено развлечениям: посещению театра, концертов, «маскерада», слушанию органа, покупкам нарядов, прогулкам. В записи, сделанной в Иркутске, Марфа Никитична отмечает: «…вечером была в здешнем театре. В этот раз играли «Матроса» и водевиль «Женская натура». Мне очень понравилась игра здешних актеров»[28]. В Тюмени путешественники наслаждались музыкой: «Вечером хозяин нашей квартиры играл нам на Аргане и мы все слушали…»[29]. А вот чем занималась Марфа Никитична в Казани: «Сегодня мы просто пируем. Какой у нас был обед! Потом много пили лимонаду […], ели малину, вишню, яблоки, дыни до того, что я напоследок чуть-чуть дышала. Вечером я с Александром Сильвестровичем ездила на здешние гуляния в загородный сад, только в этот раз гуляющих не было. Мне очень понравилось гуляние…»[30]. Описывая пребывание в Казани, М.Н. Кандинская мимоходом отметила: «…заезжали в кондитерскую, но в ней ничего не нашли хорошего. Конфеты дрян[н]ые»[31].

Много времени занимали визиты к знакомым, которых у Кандинских было немало в каждом городе. Круг общения этой семьи был разнообразен и включал многих представителей высших слоев городского общества. Марфа Никитична иногда сопровождала мужчин во время деловых визитов, однако чаще всего они предпочитали на подобные встречи отправляться самостоятельно. Вот одна из записей, сделанная в Иркутске: «В пять часов утра встала, я и Александр Сильвестрович вместе пили чай. Потом он уехал делать визиты, а я оставалась одна с Н[иколаем] Х[рисанфовичем] на несколько время, к нему приехали некоторые его знакомые, а я отправилась тоже с визитами к некоторым, и так день прошел…»[32]. Описывая распорядок жизни в Москве, М.Н. Кандинская отмечала: «Утро так началось: чай пили, потом А[лександр] С[ильвестрович] поехал с визитом в два дома, а я с Николой домовничали»[33].

Гораздо чаще и свободнее, чем с лицами мужского пола, Марфа Никитична общалась со знакомыми и вновь представленными женщинами. В Иркутске она запишет: «1 Июня. Сегодня поутру я была у начальницы Института и где видела своих племянниц Старцовых Аннушку и Феню, нашу Сашиньку Разгильдееву. Тут я несколько минут приятно провела с ними у клас[с]ной дамы Марьи Павловны Стахович. В этот раз я очень недолго была у них»[34].

Проезжая по сибирским городам, Кандинские останавливались в домах крупнейших местных купцов: в Селенгинске – у Старцевых, в Красноярске – «у П.И. Кузнецова и Марфы Кирилловны»[35]. Характерно, что М.Н. Кандинская называет не супругу красноярского купца 1-й гильдии Петра Ивановича Кузнецову, а его родную тетку Марфу Кирилловну

[27] *Кандинская М.Н.* Дневник…Л. 9 об. – 10, 11, 12–12 об., 14.
[28] Там же. Л.4.
[29] Там же. Л. 6.
[30] Там же. Л. 8.
[31] Там же.
[32] Там же. Л. 4.
[33] Там же. Л. 9.
[34] Там же. Л. 4.
[35] Там же. Л. 5.

Бронницкую, которая, овдовев, посвятила свою жизнь воспитанию племянников[36]. Надо полагать, проживая в доме уже взрослого П.И. Кузнецова, старушка руководила хозяйством на правах старшей в роду женщины. В дневнике Мафы Никитичны упоминается также о встречах со ссыльными декабристами Бестужевыми, оказавшейся с мужем в Тюмени баронессой Сирвильгельм, жительницей Казани П.А. Сумкиной («очень ласкова[я] и милая дама»[37]), москвичах П.Н. Куманине, Персианинове, В.Н. Усачове, Чеботаревых, Герасимовой, проживавшей в начале 1850-х гг. в Москве В.Я. Игумновой. О насыщенном общении Кандинских говорят следующие строчки, занесенные в дневник во время пребывания в Москве: «Сегодня посетили нас и москвичи – добрые наши знакомые П.Н. Куманин и Персианинов – и долго очень беседовали»[38], «…сегодня тоже поутру приехали к нам многие знакомые…»[39], «сегодня весь день в разъездах…»[40].

При встрече гостей хозяева с удовольствием показывали им свои владения. Этот осмотр, видимо, не оставлял Марфу Никитичну равнодушной: в дневнике она кратко перечисляла виденные необычные вещи. Так, посетив проживавшую в Селенгинске семью декабристов Бестужевых, она записала: «Мая 22. Были у Бестужевых, ходили в погреб Елены Александровны и в обсерваторию Н[иколая] А[лександровича], на балконы М[ихаила] А[лександровича] и в саду О[льги] А[лександровны]; и возвратились домой благополучно, но утомленные и, вероятно, утомившие хозяев своим долгим визитом. 23 мая Бестужевы были у нас (т.е. в доме селенгинских купцов Старцевых, у которых остановились Кандинские. – *Е.К.*) и делали почти то же самое, что и мы у них». В отличие от Бестужевых, их друзья Старцевы не могли похвастаться ни погребом, ни обсерваторией, но зато у них в доме была «дождевая ванна», которая, надо полагать, также производила большое впечатление – недаром Марфа Никитична подчеркнула эти два слова[41]. В Красноярске Марфа Никитична «ходила и рассматривала хозяйство» купчихи М.К. Кузнецовой[42], в Москве – В.Я. Игумновой («у ней сидела и ходила рас[с]матривала весь дом ея, была в саду, в каретнике, в конюшнях»[43]).

Больше всего развлечений предлагала Москва. Здесь Марфа Никитична гуляла по бульварам, дивясь многолюдству, покупала себе наряды, встречалась с разными людьми, ездила по концертам и балам. Вот несколько сделанных ею в Москве записей: «…вечером были все трое в Сокольниках у Чебатарева. Катерина Антоновна была так добра, ходила с нами посмотреть бал воксал (так в рукописи. – *Е.К.*), впрочем, на этом бале ничего интересного не было, много публики всех сортов. Тут мы немного время были. Отсюда пошли слушать оркестр Зеген Сизегира (подчеркнуто в рукописи. – *Е.К.*) – он был тоже в другом парке, где мне очень понравилось освещение из китайских фонарей. Музыка чудная и публика очень хорошая»[44], «…вечером были с Николой в Сокольниках, слушали оркестр и видели феиверок, тут же у Чебатарева ужинали и вернулись домой довольно поздно»[45], «… Сегодня я с утра ездила с Ю[лией] Карл[овной] в город, была на Кузнецком мосту, исполняла разные поручения Т.Ф. Сабашниковой, и целый день почти все исполняли покупки и очень утомились»[46], «…сегодня я поутру ездила в город, покупала для себя наряды и ходила в ряды из любопытства и где пила разные квасы»[47].

---

[36] *Сысоева Л.А.* Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск, 2010. С. 24.
[37] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 8.
[38] Там же. Л. 9.
[39] Там же. Л. 9–9 об.
[40] Там же. Л. 13.
[41] Там же. Л. 2.
[42] Там же. Л. 5.
[43] Там же. Л. 13 об.
[44] Там же. Л. 12–12 об.
[45] Там же. Л. 13 об.
[46] Там же. Л. 14.
[47] Там же. Л. 9 об. – 10.

Проезжая через разные города, супруги Кандинские также обязательно заезжали поклониться местным православным святыням: в Иркутске они отслужили молебен Св. Иннокентию Иркутскому, в Екатеринбурге, где они пробыли лишь «несколько часов» – «молебен Тихвинской Божией Матери по обещанию», в Казани – молебны Казанской Божией Матери и преподобной Марфе – небесной покровительнице М.Н. Кандинской, в Москве посетили кремлевские Успенский и Архангельский соборы, где заказали молебен Николаю Угоднику, «потом были у Иверской Божией Матери и тут служили молебен»[48]. В дороге, при постоянном чувстве тоски по оставленным в Кяхте детям, религиозная настроенность Марфы Никитичны особенно обострилась. Об этом она сама напрямую говорит в следующем фрагменте: «27 ч[исло]. Шигаева деревня (подчеркнуто в рукописи. – *Е.К.*). Праздник Троицы. День этот начала я тем, что была в церкви; молилась усердно Богу; никогда еще не было во мне такого призвания (так в рукописи. – *Е.К.*) к набожности, как сегодня. Вероятно, вследствие скуки»[49] (как можно заметить из многих приведенных выше цитат, Марфа Никитична употребляла слово «скука» в значении, близком к смыслу слов «тоска», «грусть»).

Посещение святынь и участие в богослужениях не всегда оставляли у автора дневника только светлые чувства. Так, например, после поездки в монастырь в Екатеринбурге М.Н. Кандинская записала: «С трудом могла доспросит[ь]ся у монахинь попа, таких грубых монахинь еще нигде не встречала»[50]. Тяжелое впечатление произвел на нее рассказ об обрушении во время крестного хода под Владимиром моста, когда погибли около 700 человек[51].

Присущее Кандинским, как и другим жителям азиатской части страны, чувство региональной идентичности подчеркивают частые упоминания о встречах с находившимися в Москве сибиряками: «…потом приехали к нам наши сибиряки»[52], «…отправились к Рудакову на обед, тут обедали сибиряки»[53], «…время провели довольно приятно в беседе со своими сибиряками», «сибиряки были у нас»[54].

Уроженцы Сибири, проживавшие или временно находившиеся в Москве, поддерживали знакомство друг с другом и, пользуясь случаем, с удовольствием навещали прибывших из родных мест путешественников. Особенно это касалось представителей известных купеческих династий Восточной Сибири – Кандинских, Белоголовых, Игумновых, Сабашниковых, которые были связаны между собой и тесными партнерскими отношениями, и родственными узами. Марфа Никитична сообщает о визите старшего сына известного иркутского купца А.В. Белоголового Андрея, в то время еще совсем юного, не достигшего и двадцати лет[55], который, как и Н.Х. Кандинский, находился в Москве по торговым делам: «Сегодня […] к нам приехал сын Белоголового Андрей Андреевич, очень милый молодой человек…»[56]. Повидалась она в Москве и с собственным братом: «Брат Василий Никитич был сегодня у нас ненадолго, так жаль, что мало виделись с ним, он сегодня с прочими сибиряками уе[з]жает в Петербург, впрочем, ненадолго»[57]. Выше уже говорилось про общение в Москве Марфы Никитичны с женой кяхтинского, а с 1851 г. и петербургского[58] купца Г.М. Игумнова Верой Яковлевной.

---

[48] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 5, 7–7 об., 11.
[49] Там же. Л. 2 об.
[50] Там же. Л. 7.
[51] Там же. Л. 8 об. – 9.
[52] Там же. Л. 9.
[53] Там же. Л. 10 об.
[54] Там же. Л. 11, 14.
[55] *Гаврилова Н.И., Матханова Н.П., Зуева Е.А., Зимина В.Ю., Жиров А.А.* Белоголовые // Энциклопедический словарь по истории купечества… Т. 1. С. 69.
[56] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 10 об.
[57] Там же. Л. 9.
[58] *Гаврилова Н.И., Зуева Е.А.* Игумновы // Энциклопедический словарь по истории купечества… Т. 1. С. 268.

Несколько раз Марфа Никитична упоминает Н.Р. Ребиндера, который в 1851–1854 гг. служил кяхтинским градоначальником: «29 ч[исла]. В этот день Н[иколай] Х[рисанфович] ходил к Ребиндеру, к кяхтинскому градоначальнику, которой в этой же гостинице остановился, а где и мы…»[59], «Августа 1 ч[исла] […]. К нам пришел Ребиндер с визитом»[60]. Называет она и восточносибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева: «В городе Покрове обедали, тут встретили Муравьева, которой и прое[з]жал со своей свитой в Сибирь…»[61].

Переживанием наполнены строки о трагическом событии в родной и далекой от Москвы Кяхте: «Сегодня приходили к нам некоторые наши знакомые и неприятную весть о Кяхте принесли нам, что будто бы в Кяхте был пожар: сгорели дома Стрижова, Киселева, Скорнякова, Игумнова […]. Это известие навеяло на меня ужасную грусть. Бедная Кяхта – сколько она терпит неприятностей, и сколько напугали эти пожары живущих в ней. Я думаю, наши все перетрусили, дай Бог, чтобы были все здоровы от этого испугу»[62].

Таким образом, рукописный путевой дневник кяхтинской купчихи Марфы Никитичны Кандинской свидетельствует об уровне культурного развития автора, его потребностях и мировоззрении. Как видно из сделанных М.Н. Кандинской записей, главное место в ее жизни занимали семейные ценности и самые близкие люди: муж и дети. Стремясь быть рядом с любимым супругом, Марфа Никитична готова была пойти на тяжелый шаг – разлуку с маленькими дочерями, таить в себе обиды на невнимательное отношение, прощать и надеяться. Неотъемлемыми чертами самосознания автора были также религиозность и чувство региональной идентичности, особенно ярко проявившиеся в условиях отрыва от привычной среды и детей. С одной стороны, отличающийся немногословностью, но с другой – содержащий множество мелких деталей, полный глубокого психологизма, рассматриваемый источник представляет собой женский взгляд на некоторые аспекты повседневности населения России начала 1850-х гг. Сделанные автором краткие, однако достаточно выразительные характеристики целого ряда русских городов отражают восприятие реалий городской жизни женщиной из среды сибирского купечества.

Литература

Бараев В.В., Зуев А.С., Зуева Е.А., Жеребцов Г.А., Гаврилова Н.И. Кандинские (Кондинские) // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 292–296.

Белова А.В. Женский автодокументальный дискурс в источниках личного происхождения XVIII – середины XIX века // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: материалы Всерос. науч. конф., посв. 90-летию со дня рождения медиевистов А.Я. Гуревича и М.М. Фрейденберга. Тверь, 2014. С. 42–50.

Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской / вступ. статья и примеч. Б.Г. Кокошко. Чита: Кн. изд-во, 1960. 160 с.

Воспоминания Полины Анненковой. М.: Захаров, 2003. 384 с.

Гаврилова Н.И., Зуева Е.А. Игумновы // Энциклопедический словарь по истории купечества… Т. 1. С. 267–268.

Гаврилова Н.И., Матханова Н.П., Зуева Е.А., Зимина В.Ю., Жиров А.А. Белоголовые // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 69–71.

Гаврилова Н.И., Резун Д.Я., Кириллов В.В., Башкатова З.В. Сабашниковы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 230.

[59] *Кандинская М.Н.* Дневник… Л. 14 об.
[60] Там же. Л. 15–15 об.
[61] Там же. Л. 9.
[62] Там же. Л. 12.

Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.

Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского: Путешествие в Сибирь. С 31 марта 1819 по 8 февраля 1821 года // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1782. СПб.: Изд. Имп. Публ. библиотеки, 1872. С. 1–80.

Жеребцов Г.А. Купцы Кандинские и их потомки. Чита: Редакционно-издательский комплекс пресс-центра Управления Судебного департамента в Забайкальском крае, 2012. 400 с.

Комлева Е.В. Россия глазами сибирской купчихи: путевые записки Марфы Никитичны Кандинской (1851 г.) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы Одиннадцатой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2 т. М., 2018. Т. 1. С. 241–243.

Сысоева Л.А. Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2010. 120 с.

References

Baraev, V.V., Zuev, A.S., Zueva E.A., Zherebtsov, G.A., Gavrilova, N.I. (2012). Kandinskie (Kondinskie) [Kandinskie (Kondinskie)]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: in 2 v.* Novosibirsk, v. 1, pp. 292–296.

Belova, A.V. (2014). Zhenskiy avtodokumental'nyy diskurs v istochnikah lickhnogo proiskhozhdeniya XVIII – serediny XIX veka [Women's Auto-documentary Discourse in the Sources of Personal Origin of the 18th – Mid 19th Century]. In *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v teorii i praktike nauchnykh issledovaniy: materialy Vseros. nauch. konf., posv. 90-letiyu so dnya rozhdeniya medievistov A.YA. Gurevicha i M.M. Freydenberga*. Tver', pp. 42–50.

Volkonskaya, M.N. (1960). Zapiski knyagini M.N. Volkonskoy [Notes of Princess M.N. Volkonskaya]. Chita, Kn. izd-vo. 160 p.

Vospominaniya Poliny Annenkovoy [Memoirs Of Pauline Annenkova]. (2003). Moscow, Zakharov. 384 p.

Gavrilova, N.I., Zueva, E.A. (2012). Igumnovy [The Igumnovs]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: in 2 v.* Novosibirsk, v. 1, pp. 267–268.

Gavrilova, N.I., Matkhanova, N.P., Zueva, E.A., Zimina, V.Yu., Zhirov, A.A. (2012). Belogolovye [Belogolovye]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: in 2 v.* Novosibirsk, v. 1, pp. 69–71.

Gavrilova N.I., Rezun D.YA., Kirillov V.V., Bashkatova Z.V. (2013). Sabashnikovy [The Sabashnikovs]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: in 2 v.* Novosibirsk, v. 2, p. 230.

Dmitrienko, N.M. (2014). Tomskie kuptsy: biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.) [Tomsk Merchants: Biographical Dictionary (Second Half of the 18th – Early 20th Century.)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 336 p.

Dnevnik grafa Mikhaila Mikhaylovicha Speranskogo: Puteshestvie v Sibir'. S 31 marta 1819 po 8 fevralya 1821 goda [Diary of the Count Mikhail Mikhailovich Speransky: Journey to Siberia. March 31, 1819 to February 8, 1821]. (1872). In *V pamyat' grafa Mihaila Mihaylovicha Speranskogo. 1772–1782.* St.-Petersburg, Izd. Imp. Publ. biblioteki, pp. 1–80.

Komleva, E.V. (2018). Rossiya glazami sibirskoy kupchikhi: putevy`e zapiski Marfy` Nikitichny` Kandinskoy (1851 g.) [Russia through the Eyes of the Siberian Merchant Woman: Travel Notes of Marfa Nikitichna Kandinskaya (1851)]. In *Gorozhanki i gorozhane v politicheskix, e`konomicheskix i kul`turny`x processax rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov. Materialy Odinnadtsatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZhI i IE`A RAN.* Moscow, 2018, v. 1, pp. 241–243.

Zherebtsov, G.A. (2012). *Kuptsy Kandinskie i ikh potomki* [Merchants Kandinsky and Their Descendants]. Chita, Redaktsionno-izdatel'skiy kompleks press-tsentra Upravleniya Sudebnogo departamenta v Zabaykal'skom krae. 400 p.

Sysoeva, L.A. (2010). *Vo slavu lyubeznogo Otechestva. Sem'ya Kuznetsovykh v istorii Krasnoyarska i Rossii* [To the the Glory of Dear Motherland. The Kuznetsov Family in the History of Krasnoyarsk and Russia]. Krasnoyarsk, Sibirskiy pechatnyy dvor. 120 p.

Статья поступила в редакцию 25.02.2019 г.